

мах латентных движений, полученных от носителей разных языков. Но без такого рода идентификаций невозможно принять положения А. Н. Соколова. Нам представляется, что фиксируемые движения вызваны особой моторной активностью, называемой ауторитмией и не связанной с речью ²¹.

Экспериментами Н. И. Жинкина ²², позднее подтвержденными на разнообразном материале ²³, было показано, что мышление не осуществляется в коде речевых движений, но имеет свой собственный механизм, универсально-предметный код (УПК). Этот код представлен в коре головного мозга не эквивалентами «внешнего» языка, которые ведут речевыми движениями, а нейронными образованиями и связями, которые позволяют соотносить эквиваленты языковых знаков с физиологическими субстратами представлений, образов и механизмами 1-й сигнальной системы, ведающими нашими ощущениями, работой органов чувств. Есть понятия, которые могут быть сформированы в нашем сознании только с помощью языкового знака, например, понятие «принцип». Но последовательным истолкованием этого понятия, иллюстрацией в словоупотреблении мы можем «спуститься» с уровня высших абстракций на уровень наглядно представимого образа или отношений между образами. В противном случае слово «принцип» не будет сигналом некоторого содержания, соотнесенного с реальностью.

Нетрудно показать, что словосочетание «перемена погоды» имеет для нас смысл только в том случае, если мы знаем, что обозначается словом «перемена», словом «погода» и данной грамматической связью. Это знание представляет собой осознание связи между звукокомплексом (знаком языка) и разнообразными (разноуровневыми и одноуровневыми) нейрофизиологическими эквивалентами, включая, например, нервный импульс, соответствующий температурному ощущению, зрительному ощущению и т. п., но связанный также и с нейроэквивалентом понятия «климат» (второсигнальный конструкт). В стихотворении для детей хорошо иллюстрируется простейшая сигнальность языкового знака: «Что за „ли“? Что за „мон“? В звуках нету смысла. Но скажи-ка мне „ли-мон“ — сразу станет кисло». Иными словами, знак языка лишь тогда обретает свою знаковую сущность, когда он соотносим (в своей форме) к отраженному в психике элементу реальной действительности; в более сложных случаях — с установленной ранее связью между более или менее близкими отражениями элементов реальной действительности или с «отношением связей» — в зависимости от уровня абстракции. Без возможностей такого соотнесения знак не мог бы иметь «значения», не мог бы выполнять символической функции, не мог бы ни о чем сигнализировать. Если бы понимание знаковой цепочки внешней речи сводилось к активизации нейроэквивалентов изоморфной цепочки во внутренней речи, то не было бы никакого процесса декодирования.

Если бы внешняя речь представляла бы собой преобразование некоторого «беззвучного» нейрокомплекса («немного эквивалента звуковой речи») в звукояд внешней речи, то не было бы никакого процесса кодирования. Точнее, кодирование и декодирование сводилось бы к преобразованиям внутри одной и той же, в т о р о с и г н а л ь н о й, системы. Не нужна была бы первосигнальная система: она не могла бы функционировать в «мире знаков», объективная реальность не могла бы быть познаваемой,

²¹ Войно-Ясенецкий А. В. Первичные ритмы возбуждения в онтогенезе. Л., «Наука», 1975.

²² Жинкин Н. И. Исследование внутренней речи по методике центральных речевых помех. — «Изв. АПН РСФСР», 1960, № 113; *его же*. О кодовых переходах во внутренней речи. — «Вопросы языкознания», 1964, № 6.

²³ Горелов И. Н. Указ. соч.; *его же*. О возможностях одновременной переработки разнокодовой информации. — В сб.: Предварительные материалы экспериментальных исследований по психолингвистике. М., 1974, с. 55—59.